(Окончание, начало в номерах за 21, 28 августа и за 11 сентября)

Все мои тётки, дядя и мама окончили средние учебные заведения, а тётя Лёля еще и фельдшерскую школу. Все были убежденные атеисты и революционно настроены. В церковь, кроме пасхальной заутрени, не ходили, с молебнами попов не пускали. Праздники справляли по всей форме, т.е. блины на масленицу, кулич, пасха и крашеные яйца - на пасху. Ёлка на Рождество — громадная, с подарками. Задолго до начала мы начинали клеить дополнительные игрушки вместе со старшими. Были ряженые. Приходили дети из деревни. Ёлки у нас не росли ни в саду, ни в лесу. Где их покупали, не знаю.

Познакомилась я с ёлками, когда мы были у дедушки. Он жил с тётей Лёлей от нас за 100 км. Ездили на перекладных. На середине пути немного отдыхали. Пересаживались на свежих лошадей, которые присылались за один-два дня нами же.

С тех пор, как с нами стал жить Николай Иванович (1), жизнь в Жмакино стала поживее. Он был революционером с эсеровским уклоном. К нему часто приезжали товарищи. В чем состояла их революционная деятельность — не знаю.

У одного из них был револьвер. Однажды он чистил оружие, а мы с Шурочкой вертелись около него. Шурочка завладела револьвером, и прострелила мне плечо (правда, очень удачно). В ужасе Шурочка убежала в сад. Я обругала ее дурой (мне было не очень больно) и пошла «показаться» маме. Тотчас же послали работника в Саранск (25 км) на тарантасе за доктором. К вечеру дома меня оперировали под наркозом. Это было в 1905 году. Затем наступили для меня блаженные дни. Все за мной ухаживали. Привозили из города шоколадки. С Шурочкой мы не поссорились.

Еще сохранилось воспоминание о том, как у нас был обыск, и все взрослые смеялись, что «они» даже лазили в печки, и все вымазались в саже.

В результате Николай Иванович был сослан в Ивдель Тюменской области. Судя по фотографии из Ивделя тех времён, жилось там ссыльным неплохо и нескучно. На фото большая комната, пианино, женщина на качалке и толпа развесёлых молодых людей обоего пола. Был Николай Иванович там недолго и больше репрессиям при царе не подвергался.

Как проводили в нашей семье отдых. Вечерами собирались в зале. Мама очень хорошо пела, ей аккомпанировала Маняка, подрос Миша — стал петь с мамой дуэтом. У него был тенор.

Летом часто играли в крокет на дворе перед домом, причём с азартом. Зимой процветали прятки-«застуколки». Играли все на равных: и взрослые, и дети. Удобен был

коридор, из которого вела дверь в зал, в детскую и в «узенькую комнату». Это заставляло быть бдительным входящего.

Все вместе мы рисовали на прозрачной бумаге разные картинки, раскрашивали их, и затем они пускались в «волшебном» фонаре.

Были и другие, только наши, детские игры. Их долго описывать. Летом мы, дети, работали на огороде. У каждого была своя грядка, за ней мы ухаживали самостоятельно — пололи и поливали. Взрослые сами сажали и ухаживали за огородом.

Для поливки привозили бочками воду из ручья в овраге. Для этого там была сделана небольшая плотина, иначе воды было не набрать. И вот, как раз во время поливки, мы оказались около этой плотины. После отъезда работника с полной бочкой мы решили повеселиться — показалось очень интересно увидеть изумлённое лицо работника, когда, приехав, он увидит, что в плотине большая дыра и воды не набрать. Так мы и сделали. Первый раз он не удивился, запрудил снова, взял воды и уехал. Мы опять. Приехав еще раз, он стал искать и нашёл преступников. Нам предложили посидеть дома, дождаться пока кончат поливку и подумать о своём поступке. Чувствовали мы себя очень плохо.

В наказание нам запретили на две недели ходить куда-нибудь кроме сада. Мы имели в саду домик на черёмухе, она была очень большая с раскинутыми ветвями. На ветви положили старую дверь, сверху сделали навес в виде крыши из старой занавески и поставили на двери маленькие стульчики. Ещё был дом под окнами в зале. Там, под окнами, мы, во-первых, хоронили цыплят, ставили кресты. А ближе к крыльцу вырыли большую яму, закрыли её досками. Там тоже можно было «жить».

Ещё был дом около забора на земле. Четыре стены, окно с занавеской, а вокруг сажали какие попало растения. Один раз привезли от дедушки несколько ёлок, посадили, но, как видно, плохо ухаживали — они все погибли. Помогали нам строить дом взрослые. Кроме огорода, когда Николай Иванович развёл пчёл, мы каждое лето «нанимались» караулить рой. Кажется, мы хоть и «нанимались» и честно держали марку, всё-таки ничего материального за это не получали. По праздникам, когда приходили ребята из деревни, мы играли в горелки, в «платочек», катались на качелях.

Ещё у нас было развлечение. Николай Иванович склеивал громадный шар из бумаги, его держали над зажженной керосинкой, и он высоко поднимался в воздух.

Старого попа скоро сменил молодой с женой и двумя детьми моего возраста — Гоней (Горгинием) и Маней. С этой семьей мы дружили, их дети приходили к нам в гости часто. Так же и родители. В это же время у нас часто в сарае, где раньше были кареты, стали устраивать театральные представления. Помню «Женитьбу Бальзаминова», «Ревизора», «Медведя» Чехова. Жена попа и её сестра были постоянными участниками. Один раз на моей памяти мы ездили всей семьёй в гости в волостное село Атемар за 4 километра от нас к благочинному на ёлку, где была беспроигрышная лотерея, выигравший получал подарок с ёлки.

В 1912 году нас постигло большое горе — умерла от родов в Саранске наша мама. Похороны не остались в моей памяти.

А через три года покончила с собой Шурочка. И с Мишей, и с Шурочкой мы, младшие, почти не общались. Шурочка училась в Саранске, потом, не закончив, жила некоторое время дома. Много читала, чаще сидя в своей комнате, или гуляла в одиночестве по саду. Потом ездила с тётей Лёлей в Казань, видимо поступать тоже в фельдшерскую школу. Вернулась, не окончив, и продолжала тот же образ жизни. Для меня загадка до сих пор вся её жизнь, ничего ненормального в её жизни никем не отмечалось.

Миша окончил реальное училище и поступил в Психоневрологический институт в Петрограде. В 1915 году пошел добровольцем на войну. Был зачислен в авиационные войска. Я, Маняка и Николай Иванович ездили на свидание с ним в Москву. Жили мы там в гостинице. Очень хорошо запомнилось посещение Художественного театра, где смотрели «Синюю птицу» и «Сверчка» Диккенса.

В дальнейшем Миша был отправлен в лётную часть, где летал на самолётах в качестве «летчика-наблюдателя», то есть при пулемёте, обстреливал неприятеля.

Закончу о Жмакине. Уже в 1916 году в деревне стало неспокойно. Пронёсся слух, что нам грозит нападение со стороны крестьян. В это время там жила Маняка, заменившая Коле с Костей маму, и Николай Иванович. Не дожидаясь расправы, они зимой, почти

ничего не взяв, на санях покинули Жмакино. Конец Жмакинской жизни.
Где они были до 1917 года, не знаю. В то время были конфликты большевиков с эсерами, а Николай Иванович считал себя эсером. В 1917 произошло объединение большевиков с эсерами. Затем Николай Иванович перешел в коммунистическую партию и переехал в Пензу на какую-то ответственную работу. Жили они в гостинице, которая была целиком предоставлена партийным работникам.

1. Тутенков *Николай Иванович (1883 — 1937), крестьянин села Чемодановка, председатель саранского комитета партии социалистов-революционеров (левый эсер), с 1918 года член РКП(б), член 1-го Саранского Ревкома.*

В 1918 году председатель Пензенской ГубЧК.